

БЕСТСЕЛЛЕР #1 NEW YORK TIMES
«САМОЕ ГРАНДИОЗНОЕ СОБЫТИЕ
ГОДА!» AMAZON.COM

ШОКИРУЮЩАЯ
ИСПОВЕДЬ,
КОТОРАЯ
ПЕРЕВЕРНУЛА МИР

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО

РАЯ

ЭБЕН АЛЕКСАНДЕР

Жизнь

ПОСЛЕ СМЕРТИ

КНИГА, ВЫШЕДШАЯ
НА 20 ЯЗЫКАХ!

Эбен Александер

Доказательство Рая.
Реальный опыт нейрохирурга

«Центрполиграф»

2013

Александр Э.

Доказательство Рая. Реальный опыт нейрохирурга /
Э. Александр — «Центрполиграф», 2013

В этой книге доктор Эбен Александр, нейрохирург с 25-летним стажем, профессор, преподававший в Гарвардской медицинской школе и других крупных американских университетах, делится с читателем впечатлениями о своем путешествии на тот свет. Его случай уникален. Пораженный внезапной и необъяснимой формой бактериального менингита, он чудесным образом исцелился после семидневной комы. Высокообразованный медик с огромным практическим опытом, который прежде не только не верил в загробную жизнь, но и мысли о ней не допускал, испытал перемещение своего «я» в высшие миры и столкнулся там с такими поразительными явлениями и откровениями, что, вернувшись к земной жизни, счел своим долгом ученого и врача повествовать о них всему миру.

© Александр Э., 2013

© Центрполиграф, 2013

Содержание

Пролог	6
Глава 1	11
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Эбен Александер
Доказательство Рая.
Реальный опыт нейрохирурга

Охраняется законодательством РФ о защите интеллектуальных прав. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Пролог

Человек должен видеть вещи, как они есть, а не так, как он хочет их видеть.

Альберт Эйнштейн (1879 – 1955)

Маленьким я часто летал во сне. Обычно это происходило так. Мне снилось, будто я стою ночью в нашем дворе и смотрю на звезды, а потом вдруг отделяюсь от земли и медленно поднимаюсь вверх. Первые несколько дюймов подъема в воздух происходили самопроизвольно, без какого-либо участия с моей стороны. Но вскоре я заметил, что чем выше поднимаюсь, тем больше полет зависит от меня, точнее, от моего состояния. Если я бурно ликовал и возбуждался, то внезапно падал вниз, сильно ударяясь о землю. Но если я воспринимал полет спокойно, как нечто естественное, то стремительно уносился все выше и выше в звездное небо.

Возможно, отчасти из-за этих полетов во сне впоследствии у меня развилась страстная любовь к самолетам и ракетам – и вообще к любым летательным аппаратам, что могли снова подарить мне ощущение необъятного воздушного простора. Когда мне доводилось летать с родителями, то, каким бы дальним ни был перелет, меня невозможно было оторвать от иллюминатора. В сентябре 1968 года, в возрасте четырнадцати лет, я отдал все свои деньги, заработанные стрижкой лужаек, на занятия по управлению планером, которые вел один парень по имени Гус Стрит на Строберри-Хилл, небольшом «летном поле», заросшем травой, недалеко от моего родного городка Уинстон-Салем, Северная Каролина. До сих пор помню, как взволнованно колотилось мое сердце, когда я потянул на себя темно-красную круглую ручку, которая отцепила трос, соединяющий меня с самолетом-буксировщиком, и мой планер выкатился на взлетное поле. Впервые в жизни я испытал незабываемое чувство полной самостоятельности и свободы. Большинство моих друзей именно за это и любили бешеную езду на автомобиле, но, на мой взгляд, ничто не могло сравниться с восторгом от полета на высоте в тысячу футов.

В 1970-х годах, во время обучения в колледже университета Северной Каролины, я стал заниматься парашютным спортом. Наша команда казалась мне чем-то вроде тайного братства – ведь мы обладали особенными знаниями, не доступными всем остальным. Первые прыжки дались мне с большим трудом, меня одолевал настоящий страх. Но к двенадцатому прыжку, когда я шагнул за дверцу самолета, чтобы пролететь в свободном падении больше тысячи футов, прежде чем раскрою парашют (это был мой первый затяжной прыжок), я уже чувствовал себя уверенно. В колледже я совершил 365 прыжков с парашютом и налетал больше трех с половиной часов в свободном падении, выполняя в воздухе акробатические фигуры с двадцатью пятью товарищами. И хотя в 1976 году я перестал заниматься прыжками, мне продолжали сниться радостные и очень живые сны про скайдайвинг.

Больше всего мне нравилось прыгать ближе к вечеру, когда солнце начинало клониться к горизонту. Трудно описать мои чувства во время таких прыжков: мне казалось, что я все ближе и ближе подходил к тому, что невозможно определить, но чего я неистово жаждал. Это таинственное «нечто» не было восторженным ощущением полного одиночества, потому что обычно мы прыгали группами по пять, шесть, десять или двенадцать человек, составляя в свободном падении различные фигуры. И чем сложнее и труднее была фигура, тем больший восторг меня охватывал.

В 1975 году прекрасным осенним днем мы с ребятами из университета Северной Каролины и несколькими друзьями из Центра парашютной подготовки собрались потренироваться в групповых прыжках с построением фигур. Во время предпоследнего прыжка с легкого самолета D-18 «Бичкрафт» на высоте 10 500 футов мы делали снежинку из десяти человек. Нам удалось собраться в эту фигуру еще до отметки в 7000 футов, то есть мы целых восемнадцать

секунд наслаждались полетом в этой фигуре, падая в разрыв между громадами высоких облаков, после чего на высоте 3500 футов разжали руки, отклонились друг от друга и раскрыли парашюты.

К моменту нашего приземления солнце стояло уже очень низко, над самой землей. Но мы быстро забрались в другой самолет и снова взлетели, так что нам удалось захватить последние лучи солнца и совершить еще один прыжок до его полного заката. На этот раз в прыжке участвовали двое новичков, которым впервые предстояла попытка присоединиться к фигуре, то есть подлететь к ней снаружи. Конечно, проще всего быть основным, базовым парашютистом, потому что ему нужно просто лететь вниз, тогда как остальным членам команды придется маневрировать в воздухе, чтобы добраться до него и сцепиться с ним руками. Тем не менее оба новичка радовались трудному испытанию, как и мы, уже опытные парашютисты: ведь обучив молодых ребят, впоследствии мы вместе с ними могли совершать прыжки с еще более сложными фигурами.

Из группы в шесть человек, которой предстояло изобразить звезду над взлетно-посадочной полосой маленького аэродрома, расположенного вблизи городка Роанок-Рapidс, Северная Каролина, я должен был прыгать последним. Передо мной шел парень по имени Чак. Он обладал большим опытом в воздушной групповой акробатике. На высоте 7500 футов нас еще освещало солнце, но внизу уже поблескивали уличные фонари. Я всегда любил прыжки в сумерках, и этот обещал быть просто замечательным.

Мне предстояло покинуть самолет примерно через секунду после Чака, и чтобы догнать остальных, падение мое должно было проходить очень стремительно. Я решил нырнуть в воздух, как в море, вниз головой и в этом положении пролететь первые секунд семь. Это позволило бы мне падать почти на сто миль в час быстрее, чем мои товарищи, и оказаться на одном уровне с ними сразу после того, как они начнут сооружать звезду.

Обычно во время таких прыжков, спустившись до высоты 3500 футов, все парашютисты расцепляют руки и расходятся как можно дальше друг от друга. Затем каждый взмахивает руками, подавая сигнал, что готов раскрыть свой парашют, смотрит вверх, чтобы убедиться, что над ним никого нет, и только потом дергает за вытяжной трос.

– Три, два, один... Марш!

Один за другим самолет покинули четыре парашютиста, за ними и мы с Чаком. Летя вниз головой и набирая скорость в свободном падении, я ликовал, что уже второй раз за день вижу заход солнца. Приближаясь к команде, я уже собирался резко затормозить в воздухе, выбросив руки в стороны – у нас были костюмы с крыльями из ткани от запястий до бедер, которые создавали мощное сопротивление, полностью раскрываясь на большой скорости.

Но мне не пришлось этого сделать.

Отвесно падая в направлении фигуры, я заметил, что один из ребят приближается к ней слишком быстро. Не знаю, может быть, его напугал стремительный спуск в узкий разрыв между облаками, напомнив, что он со скоростью двести футов в секунду мчится навстречу гигантской планете, плохо различимой в сгущающейся темноте. Так или иначе, но вместо того, чтобы медленно присоединиться к группе, он вихрем налетел на нее. И пять оставшихся парашютистов беспорядочно закувыркались в воздухе. К тому же они были слишком близко друг к другу.

Этот парень оставил за собой мощный турбулентный след. Этот воздушный поток очень опасен. Стоит другому парашютисту попасть в него, как скорость его падения стремительно возрастет, и он врежется в того, кто находится под ним. Это в свою очередь придаст сильное ускорение обоим парашютистам и швырнет их на того, кто еще ниже. Короче, произойдет страшная трагедия.

Изогнувшись, я отклонился от беспорядочно падающей группы и маневрировал до тех пор, пока не оказался прямо над «точкой», магическим пунктом на земле, над которым мы должны были раскрыть парашюты и начать медленный двухминутный спуск.

Я повернул голову и с облегчением увидел, что остальные прыгуны уже отдаляются друг от друга. Среди них был и Чак. Но, к моему удивлению, он двигался в моем направлении и скоро завис прямо подо мной. Видимо, во время беспорядочного падения группа прошла высоту 2000 футов быстрее, чем ожидал Чак. А может, он считал себя везунчиком, который может и не соблюдать установленных правил.

«Он не должен меня увидеть!» Не успела эта мысль промелькнуть у меня в голове, как за спиной Чака рванул вверх цветной вытяжной парашют. Парашют поймал обтекающий Чака ветер, дувший со скоростью сто двадцать миль в час, и понес его на меня, одновременно вытягивая основной парашют.

С момента, когда над Чаком раскрылся вытяжной парашют, у меня оставались какие-то доли секунды, чтобы среагировать. Меньше чем через секунду я должен был врезаться в его основной парашют и, скорее всего, в него самого. Если на такой скорости я налечу на его руку или ногу, то просто оторву ее и при этом сам получу роковой удар. Если же мы столкнемся телами, то неизбежно разобьемся.

Говорят, в подобных ситуациях кажется, что все происходит намного медленнее, и это верно. Мой мозг фиксировал происходящее, которое заняло всего несколько микросекунд, но воспринимал его наподобие фильма с замедленной съемкой.

Как только над Чаком взметнулся вытяжной парашют, мои руки сами собой прижались к бокам, и я перевернулся вниз головой, слегка изогнувшись. Изгиб тела позволил немного прибавить скорости. В следующее мгновение я сделал резкий рывок в сторону по горизонтали, отчего мое тело превратилось в мощное крыло, что позволило пулей пронестись мимо Чака как раз перед его раскрывшимся основным парашютом.

Я промчался мимо него на скорости больше ста пятидесяти миль в час, или двести двадцать футов в секунду. Вряд ли он успел заметить выражение моего лица. Иначе он увидел бы на нем невероятное изумление. Каким-то чудом мне удалось за считанные доли секунды среагировать на ситуацию, которая, будь у меня время на обдумывание, показалась бы просто неразрешимой!

И все же... И все же я с ней справился, и в результате мы с Чаком благополучно приземлились. У меня создалось впечатление, что, столкнувшись с экстремальной ситуацией, мой мозг сработал как какой-то сверхмощный вычислитель.

Как это случилось? За время более чем двадцатилетней работы нейрохирургом – когда я изучал мозг, наблюдал за его работой и производил на нем операции – я часто задавался этим вопросом. И в итоге пришел к выводу, что мозг является настолько феноменальным органом, что мы даже не догадываемся о его невероятных способностях.

Сейчас-то я уже понимаю, что настоящий ответ на этот вопрос гораздо более сложный и принципиально иной. Но чтобы осознать это, мне пришлось пережить события, полностью изменившие мою жизнь и мировоззрение. Данная книга и посвящена этим событиям. Они доказали мне, что, каким бы замечательным органом ни был мозг человека, не он спас меня в тот роковой день. То, что вмешалось в действие в ту секунду, когда уже начал раскрываться основной парашют Чака, было другой, глубоко скрытой стороной моей личности. Это она сумела так мгновенно сработать, потому что, в отличие от моего мозга и тела, существует вне времени.

Это она заставляла меня, мальчишку, так рваться в небо. Это не только самая развитая и мудрая сторона нашей личности, но и самая глубинная, сокровенная. Однако большую часть моей взрослой жизни я в это не верил.

Однако теперь верю, и из дальнейшего рассказа вы поймете почему.

* * *

Моя профессия – нейрохирург.

В 1976 году я окончил университет Северной Каролины в Чэпел-Хилл по специальности химика и в 1980-м получил степень доктора в Медицинской школе Дьюкского университета. Одиннадцать лет, включая обучение в Медицинской школе, затем ординатуру в Дьюке, а также работу в Массачусетской общей больнице и в Медицинской школе Гарварда, я специализировался в нейроэндокринологии, изучал взаимодействие между нервной системой и эндокринной, состоящей из желез, вырабатывающих различные гормоны и регулирующих деятельность организма. Два года из этих одиннадцати лет я исследовал патологическую реакцию кровеносных сосудов определенных участков мозга при разрыве аневризмы – синдрома, известного как церебральный вазоспазм.

Окончив аспирантуру по специальности цереброваскулярной нейрохирургии в городе Ньюкасл-на-Тайне в Великобритании, я пятнадцать лет занимался преподавательской деятельностью в Гарвардской медицинской школе в должности адъюнкт-профессора по неврологии. За эти годы я прооперировал огромное количество пациентов, многие из которых поступали с крайне тяжелыми и опасными для жизни заболеваниями мозга.

Большое внимание я уделял изучению передовых методов лечения, в частности стереотаксической радиохирургии, которая позволяет хирургу локализованно воздействовать на определенную точку мозга радиационными лучами, не затрагивая окружающих тканей. Я принимал участие в развитии и использовании магнитно-резонансной томографии, которая представляет собой один из современных методов исследования опухолей мозга и различных нарушений его сосудистой системы. В течение этих лет я написал, один или в соавторстве с другими учеными, более ста пятидесяти статей для серьезных медицинских журналов и более двухсот раз выступал с докладами о своей работе на научно-медицинских конференциях по всему миру.

Одним словом, я целиком посвятил себя науке. Я считаю большой жизненной удачей то, что мне удалось найти свое призвание – познавая механизм функционирования организма человека, в особенности его мозга, врачевать людей с использованием достижений современной медицины. Но что не менее важно, я женился на замечательной женщине, подарившей мне двух прекрасных сыновей, и, хотя работа отнимала у меня достаточно много времени, я никогда не забывал о семье, которую всегда считал еще одним благословенным даром судьбы. Одним словом, моя жизнь складывалась очень удачно и счастливо.

Однако 10 ноября 2008 года, когда мне было пятьдесят четыре, удача, казалось, изменила мне. В результате очень редкого заболевания я на целых семь дней погрузился в кому. Все это время мой неокортекс – новая кора, то есть верхний слой полушарий мозга, который, в сущности, и делает нас людьми, – был отключен, не действовал, практически не существовал.

Когда у человека отключается мозг, он тоже перестает существовать. При моей специальности мне приходилось слышать множество рассказов людей, переживших необычный опыт, как правило после остановки сердца: якобы они оказывались в каком-то таинственном и прекрасном месте, разговаривали с умершими родственниками и даже лицезрели самого Господа Бога.

Все эти рассказы, конечно, были очень интересными, но, на мой взгляд, представляли собой фантазии, чистый вымысел. Что вызывает эти «потусторонние» переживания, о которых говорят люди, пережившие клиническую смерть? Я ничего не утверждал, но в глубине души был уверен, что они связаны с какими-то нарушениями в работе мозга. Все наши переживания и представления берут начало в сознании. Если же мозг парализован, отключен, вы не можете находиться в сознании.

Потому что мозг – это механизм, который прежде всего продуцирует сознание. Разрушение этого механизма означает смерть сознания. При всем невероятно сложном и таинственном функционировании мозга это просто как дважды два. Выдерните шнур из розетки, и телевизор перестанет работать. И шоу заканчивается, как бы оно вам ни нравилось. Приблизительно так я сказал бы до того, как отключился мой собственный мозг.

Во время комы мой мозг не то чтобы работал неправильно – он вообще не работал. Сейчас я думаю, что именно полностью не функционирующий мозг и повлек за собой глубину и интенсивность опыта клинической смерти (ОКС), который я перенес во время комы. Большинство рассказов об ОКС получены от людей, переживших временную остановку сердца. В этих случаях неокортекс тоже на время отключается, но не подвергается необратимым повреждениям – в том случае, если не позже чем через четыре минуты поступление насыщенной кислородом крови в мозг восстанавливается при помощи сердечно-легочной реанимации или благодаря самопроизвольному восстановлению сердечной деятельности. Но в моем случае неокортекс не подавал признаков жизни! Я столкнулся с реальностью мира сознания, который существовал *абсолютно независимо от моего бездействующего мозга*.

Личный опыт клинической смерти стал для меня настоящим взрывом, потрясением. Как нейрохирург, имеющий за плечами большой стаж научной и практической работы, я лучше других мог не только верно оценить реальность испытанного мной, но и сделать соответствующие выводы.

Эти выводы невероятно важны. Мой опыт показал мне, что смерть организма и мозга не означает смерть сознания, что человеческая жизнь продолжается и после погребения его материального тела. Но самое важное – она продолжается под пристальным взглядом Бога, Который любит всех нас и заботится о каждом из нас и о том мире, куда в конечном счете идет сама вселенная и все, что в ней есть.

Мир, где я оказался, был реальным – настолько реальным, что по сравнению с этим миром жизнь, которую мы ведем здесь и сейчас, является полностью призрачной. Однако это не означает, что я не дорожу своей теперешней жизнью. Напротив, я ценю ее еще больше, чем прежде. Потому что теперь я понимаю ее истинное значение.

Жизнь не является чем-то бессмысленным. Но откуда мы не в состоянии это понять, во всяком случае, далеко не всегда. История происшедшего со мной за время пребывания в коме исполнена глубочайшего смысла. Но рассказать о ней довольно трудно, так как она слишком чужда нашим привычным представлениям. Я не могу кричать о ней на весь мир. Вместе с тем мои выводы основаны на медицинском анализе и знании самых передовых концепций науки о мозге и сознании. Осознав истину, лежащую в основе моего путешествия, я понял, что просто обязан поведать о ней. Сделать это самым достойным образом стало для меня главной задачей.

Это не значит, что я оставил научную и практическую деятельность нейрохирурга. Просто теперь, когда мне выпала честь понять, что наша жизнь не заканчивается со смертью тела и мозга, я считаю своим долгом, своим призванием рассказать людям о том, что видел за пределами своего тела и этого мира. Особенно важным мне представляется сделать это для тех, кто слышал рассказы о подобных моему случаях и хотел бы им верить, но что-то мешает этим людям целиком принять их на веру.

Моя книга и заключенное в ней духовное послание обращено в первую очередь именно им. Мой рассказ невероятно важен и при этом полностью правдив.

Глава 1

Боль

Линчберг, Вирджиния,

10 ноября 2008 года

Я проснулся и открыл глаза. В темноте спальни всмотрелся в красные цифры электронных часов – 4:30 утра – это на час раньше, чем я обычно встаю, учитывая, что мне предстоит час десять добираться на машине из нашего дома в Линчберге до места моей работы – Специализированного фонда ультразвуковой хирургии в Шарлоттсвиле. Жена Холли продолжала крепко спать.

Около двадцати лет я работал нейрохирургом в большом городе Бостоне, но в 2006 году со всем семейством перебрался в гористую часть штата Вирджиния. Мы с Холли познакомились в октябре 1977-го, через два года после того, как одновременно окончили колледж. Она готовилась получить степень магистра изобразительных искусств, я учился в медицинской школе. Пару раз она встречалась с моим бывшим соседом по комнате Виком. Однажды он пригласил ее познакомиться нас, наверное, хотел похвастаться. Когда они уходили, я пригласил Холли заходить в любое время, добавив, что не обязательно вместе с Виком.

В наше первое настоящее свидание мы поехали на вечеринку в Шарлотт, Северная Каролина, по два с половиной часа езды туда и обратно. У Холли был ларингит, так что во время пути говорил в основном я. Мы поженились в июне 1980 года в епископальной церкви Святого Томаса в Виндзоре, Северная Каролина, и вскоре после этого переехали в Дарем, где сняли квартиру в доме «Ройал Оукс»¹, так как я стажировался в хирургии в университете Дьюка.

Наш дом был далеко не королевским, да и дубов я что-то не замечал. Денег у нас было очень мало, но мы были так заняты – и так счастливы, – что это нас не заботило. В один из первых наших отпусков, который выпал на весну, мы погрузили в машину палатку и отправились в поездку вдоль атлантического побережья Северной Каролины. Весной в тех местах видимо-невидимо всякой кусачей мошкары, и палатка была не слишком надежным убежищем от ее грозных полчищ. Но все равно нам было весело и интересно. Однажды, плывая у острова Окракок, я придумал способ ловить голубых крабов, которые поспешно удирали, пугаясь моих ног. Мы привезли большой пакет крабов в мотель «Пони Айленд», где остановились наши друзья, и зажарили их на гриле. Угощения хватило на всех. Несмотря на строгую экономию, вскоре мы обнаружили, что деньги подходят к концу. В это время мы гостили у наших близких друзей Билла и Пэтти Уилсон, и они пригласили нас на игру в бинго. На протяжении десяти лет каждое лето по четвергам Билл ездил в клуб, но никогда не выигрывал. А Холли играла впервые. Назовите это везением новичка или вмешательством providения, но она выиграла двести долларов, что для нас было равносильно двум тысячам. Эти деньги позволили нам продолжить путешествие.

В 1980-м я получил степень доктора медицинских наук, а Холли – свою степень и стала работать художницей и преподавать. В 1981 году я провел в Дьюке свою первую самостоятельную операцию на мозге. Наш первенец Эбен IV родился в 1987 году в родильном доме Принцессы Марии в Ньюкасле-на-Тайне в Северной Англии, где я занимался в аспирантуре проблемами мозгового кровообращения. А младший сын Бонд – в 1988-м в Женской больнице Бригэма в Бостоне.

Я с любовью вспоминаю те пятнадцать лет, что я работал в Гарвардской медицинской школе и в Женской больнице Бригэма. Наша семья вообще ценит то время, когда мы жили

¹ Ройал Оукс – королевские дубы (*англ.*).

в районе Большого Бостона. Но в 2005-м мы с Холли решили, что настало время вернуться на юг. Мы хотели жить ближе к своим родителям, а я видел в переезде также возможность приобрести большую самостоятельность, чем имел в Гарварде. И вот весной 2006-го мы начали новую жизнь в Линчберге, расположенном в гористой части Вирджинии. Это была спокойная и размеренная жизнь, к которой и я, и Холли привыкли с детства.

* * *

Я некоторое время тихо лежал, пытаясь понять, что меня разбудило. Накануне, в воскресенье, стояла типичная для вирджинской осени погода – солнечная, ясная и прохладная. Мы с Холли и десятилетним Бондом ходили к соседям на барбекю. Вечером разговаривали по телефону с Эбеном (ему было уже двадцать), который учился на первом курсе Делаварского университета. Единственная маленькая неприятность этого дня заключалась в том, что все мы еще не избавились от легкой респираторной инфекции, которую где-то подцепили на прошлой неделе. К вечеру у меня заболела спина, и я немного прогрелся в теплой ванне, после чего боль, казалось, утихла. Я думал, не мог ли я так рано проснуться от того, что во мне еще бродит эта несчастная инфекция.

Я слегка пошевелился, и спину пронзила боль – гораздо более резкая, чем накануне вечером. Определенно, это давал себя знать вирус. Чем больше я приходил в себя ото сна, тем сильнее становилась боль. Снова заснуть я не мог, а до ухода на работу оставался еще целый час, поэтому я решил опять принять теплую ванну. Я сел, спустил ноги на пол и встал.

И сразу боль нанесла мне еще один удар – я почувствовал в основании позвоночника тупую болезненную пульсацию. Решив не будить Холли, я медленно побрел по коридору в ванную, не сомневаясь, что от тепла мне сразу станет лучше. Но я ошибся. Ванна наполнилась только наполовину, а я уже понял, что допустил ошибку. Боль стала настолько острой, что я подумал, не придется ли мне звать Холли, чтобы она помогла мне вылезти из ванны.

До чего же нелепо! Я вытянул руку и ухватился за полотенце, которое висело на вешалке прямо надо мной. Сдвинув его поближе к стене, чтобы не сорвать вешалку, я начал осторожно подтягиваться.

И снова меня пронзила такая сильная боль, что я задохнулся. Это, конечно, был не грипп. Но тогда что? Кое-как выбравшись из скользкой ванны, я накинул махровый халат, еле-еле дотащился до спальни и упал на кровать. Все тело мое было мокрым от холодного пота.

Холли пошевелилась и повернулась ко мне:

– В чем дело? Который час?

– Не знаю. У меня очень болит спина.

Холли стала массировать мне спину. Мне стало немного легче. Как правило, медики не любят болеть, и я – не исключение. Какое-то время я был уверен, что боль – и ее неведомая причина – наконец исчезнут совсем. Но к половине седьмого, когда мне нужно было ехать на работу, я едва не выл от боли и практически не мог двигаться.

Через час к нам вошел Бонд, страшно удивленный тем, что я еще дома.

– Что случилось?

– Папа плохо себя чувствует, милый, – сказала Холли.

Я лежал в постели, опираясь на подложенные подушки. Бонд подошел и начал бережно массировать мне виски.

От его прикосновений мою голову будто током пронзило. Я вскрикнул. Удивленный моей реакцией, Бонд отшатнулся.

– Все в порядке, – успокоила его встревоженная Холли. – Это не из-за тебя, просто у папы ужасно болит голова. – Затем я услышал, как она говорит скорее себе, чем мне: – Пожалуй, нужно вызвать скорую.

Еще больше, чем болеть, врачи не любят быть в роли пациента. Я сразу представил себе дом, полный врачей неотложной помощи, стандартные вопросы, отправку в больницу, оформление документов... Я думал, что вскоре мне станет лучше и я пожалею, что мы вызвали скорую помощь.

– Не надо, ничего страшного, – сказал я. – Сейчас мне больно, но скоро должно стать легче. А ты лучше помоги Бонду собраться в школу.

– Эбен, я все-таки думаю...

– Все будет в порядке, – прервал я ее, пряча лицо в подушку. От боли я все еще не мог шевельнуться. – Seriously, не надо звонить. Я не настолько болен. Всего лишь мышечный спазм в нижней части спины и головная боль.

Холли неохотно оставила меня, спустилась с Бондом вниз, накормила его завтраком, после чего отправила к остановке, где мальчиков забирал школьный автобус. Когда Бонд выходил из дому, я вдруг подумал, что если у меня что-то серьезное и я все-таки окажусь в больнице, то сегодня не увижу его. Я собрал все свои силы и крикнул:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.